

Городской страж получил указание властей и, заметив, что Цин Мянъ присмотрела семейство для возвращения души в тленное тело, велел Черному и Белому Неотвратимым Духам сопровождать ее для перерождения.

Проходя мимо храма земли, она неожиданно вновь встретила Юнь Байли, с которым они расстались незадолго до того.

На дороге Хуанцюань он встретил Цзинь Мянъ, расспросил ее о перипетиях земной жизни и, дождавшись, пока та выпьет суп Мэн По, со всех ног примчался к Цин Мянъ.

Среди прочего самой полезной новостью оказалось то, что в шестнадцать-семнадцать лет Цзинь Мянъ вместе с отцом отправлялась вверх по Великому каналу торговать и доходила в поисках выгоды до самой Яньцзиня. После смерти родителей она, будучи чуть старше двадцати, вместе с мастером-ремесленником и двумя слугами тянула лавку и дом, а также растила единственную младшую сестру.

Черный Неотвратимый Дух, стоявший рядом с Цин Мянъ, не удержался от насмешливой улыбки: — А ты, братец Байли, и впрямь человек неравнодушный.

Юнь Байли открыто и честно ответил: — Госпожа Цин проявила к нам невиданную щедрость, да к тому же ее заметила Мэн По — в будущем ее чин окажется выше, чем у вашего покорного слуги, так что мне вполне естественно заблаговременно проявить угодилисть.

С этими словами, не дожидаясь благодарности от Цин Мянъ, он сложил руки в поклоне, развернулся и словно легкое облачко упорхнул к реке Ванчуань, однако в сердце его занозой застряла одна мысль: лишь бы спустя семь лет у Государыни Хоуту вновь не произошло каких-нибудь перемен, чтобы такой преданный и благородный человек, как Цин Мянъ, часом не осталась в загробном мире в роли призрачного чиновника.

...

Когда Цин Мянъ в обличье Цзинь Мянъ очнулась на постели в спальне, ее ударил в нос густой запах лекарственного отвара.

До слуха донеслись звуки — как дальние, так и совсем близкие.

Издали доносился непрерывный, зычный галдеж.

Это в точности соответствовало тому, что Юнь Байли расспросил у покойной Цзинь Мянъ: лавка семьи Цзинь располагалась неподалеку от оживленных берегов реки Циньхуай в Интяньфу. И хотя место это не выходило прямо на главную улицу, городской шум был слышен отлично.

А совсем рядом раздавался мягкий, нежный девичий голос: — Сестрица, сестрица, ты проснулась?

Цин Мянью открыла глаза и увидела девочку лет десяти. Та склонилась над ней своим кругленьким личиком, ее глаза, черные словно капли туши, лучились радостью; на белой шейке красовался серебряный нашийный обруч, а легкое летнее платье было сшито из тонкой ткани.

Она вовсе не походила на служанку — значит, это и была младшая сестра Цзинь Мянью, с которой они делили все тяготы, Цзинь Сю.

— М-м, — пробормотала Цин Мянью, глядя на нее едва слышным голосом: — А-Сю.

Малышка от радости подпрыгнула, бросилась к двери и завосила во всю мочь: — Сестрица ожила! Матушка Лю, сестрица ожила!

В комнату влетела женщина средних лет. Ей было около сорокетника, глаза слегка запали, черты лица отличались некоторой угловатостью, словно у мужчины, но все вместе, в сочетании с просветленной, улыбчатой миной, придавало ей поистине материнское, почти буддийское милосердие.

Матушка Лю некогда была служанкой покойной матери Цзинь Мянью. Выйдя замуж вместе со своей госпожой, она вынянчила обеих сестер — Мянью и Сю, а после смерти родителей помогала Цзинь Мянью вести дела лавки, почитаясь в доме Цзинь почти полновластной хозяйкой.

На лице матушки Лю сейчас отчетливо читалось выражение «слава богам и предкам».

Она подхватила со стола пиалу, смочила чистую тряпицу водой и принялась увлажнять пересохшие губы Цин Мянью, бормоча: — Покойные хозяин с госпожой на небесах тебя оберегают, ох, быть тебе счастливой, несомненно быть счастливой, вы обе с А-Сю доживете до глубокой старости.

Младшая сестренка Цзинь Сю тотчас подхватила: — Матушка Лю, не переживай! Сестрица говорила, что папа с мамой наказывали: мы должны досмотреть тебя до конца и похоронить, так что раньше тебя мы точно не умрем.

Услышав это, матушка Лю аж покраснела глазами.

Цин Мянью припомнила рассказ Юнь Байли о судьбе хозяйки лавки и решила осторожно прощупать почву: — Всего лишь солнечный удар, разве это сравнить с теми лишениями, когда мы в прошлый раз ездили по делам в Яньцзинь.

Матушка Лю вытерла слезы и произнесла: — На север я с господином и тобой не ездила, но то, как ты в этот раз болела и закатывала глаза, я видела своими глазами — больно уж страшная была напасть.

Цин Мянью мысленно всё для себя уяснила: если она и придумает какие-нибудь байки, связанные с Яньцинем и Чжочжоу, по крайней мере, матушка Лю правду проверить не сможет.

Тут матушка Лю повернулась к Цзинь Сю и велела: — Вторая барышня, сходи наперед к Юй Мину, передай, что старшая барышня сбила жар, пусть он вздохнет свободней и не тушует.

Цзинь Сю послушно выбежала, а матушка Лю приподняла Цин Мянью за плечи, принялась кормить ее кашей и вполголоса докладывать: — Старшая барышня, в тот день, когда ты потеряла сознание от болезни, я побежала на запад города за лекарем. Меня не было всего несколько часов, а Юй Мин сидел себе тихо в лавке, так несколько уличных хулиганов приволокли его на улицу и потребовали спустить штаны, чтобы все увидели, что он евнух. К счастью, та бойкая женщина, что принесла тебя в тот день домой, оказалась неподалеку и разогнала негодяев.

Цин Мянью, сосредоточенно прислушиваясь, раскладывала всё по полочкам.

Душа Цзинь Мянью рассказывала Юнь Байли, что из прислуги в доме, помимо матушки Лю, имелся еще один слуга-мужчина, в прошлом — маленький евнух из прежней династии.

В Интяньфу, где сменившаяся династия правила едва ли два десятка лет, такое диковинкой не считалось.

Поместье Чжэньнаньского вана прежнего северохуского режима находилось как раз в Интянь.

Хотя молодые и старые евнухи того княжеского дворца поголовно были ханьцами, когда Чэнь Лан захватил Интяньфу и взошел на престол, разве мог он позволить им остаться при дворе? Он выгнал их из императорских покоев до единого.

Многие из этих мальчишек, которых оскотили совсем недавно, скитались по улицам, прося милостыню, пока их наконец не приютили простые жители Интяня.

Пусть даже ими двигало желание обзавестись дешевой рабочей силой, но беднякам всё же даровали шанс на выживание.

Юй Мин был как раз из тех, кого матушка Лю подобрала на улице и вырастила.

Он искренне почитал семью Цзинь своими благодетелями и работал с невероятным усердием, однако из-за своего увечья всегда чувствовал себя ущербным. И вот теперь, обладая

телосложением здорового мужчины, он, униженный и оплеванный уличными подонками, даже не посмел огрызнуться или дать сдачи.

В этот раз глава семьи, Цзинь Мян, слегла с тяжелой болезнью, матушка Лю день и ночь ухаживала за ней, и обе они уже несколько дней не показывались в передней лавке, чтобы держать в узде порядок. Нетрудно было догадаться, в каком положении оказался Юй Мин.

— В следующий раз я сама поведу Юй Мина бить их.

Произнесла Цин Мян слабым, но резким голосом.

— А? — матушка Лю растерялась.

Заметив легкое удивление в ее глазах, Цин Мян прикинула, что угадала верно: прежняя Цзинь Мян, судя по всему, отличалась мягким нравом.

— Даже кролик кусается, когда его загоняют в угол, а наша семья уж слишком привыкла со всеми миндальничать, — добавила Цин Мян.

Матушка Лю тут же воодушевилась: — Вот это правильные слова, старшая барышня! Если бы мы не были такими безответными до сих пор, стал бы старейшина гильдии чинить нам преграды, и с чего бы тебе тогда свалиться от такой тяжелой болезни?

— Матушка Лю, пока я была без сознания, в гильдии всё было тихо?

Осторожно подбирая слова, поинтересовалась Цин Мян.

Ей очень хотелось с ходу заговорить о покушении на маркиза Цин Фанхоу, но, подсчитав дни, она поняла, что это как раз совпало с днями беспамятства старшей барышни Цзинь. Если она, эта «фальшивая Цзинь Мян», начнет расспрашивать о подобном, не выдаст ли она себя с головой? Пришлось пока ходить вокруг да около, попутно узнавая побольше о делах семейства Цзинь.

Едва она закончила говорить, как за дверью раздался зычный женский голос: — Хозяйка Цзинь очнулась! У людей с добрым сердцем и судьба добрая, у людей с добрым сердцем и судьба добрая!

Широкоплечая женщина перешагнула порог, уверенной размашистой походкой подошла к столу и уселась, прищурившись глядя на Цин Мян. Оценивающим тоном она протянула: — Ай-яй-яй, а лицо-то и впрямь ожило! По сравнению с тем днем — просто небо и земля.

Младшая барышня Цзинь Сю вбежала следом, ее детское личико окаменело, она уставилась на

гостью и с неудовольствием бросила: — Это комната моей сестрицы, как вы смеее вламываться без спросу?

Женщина расплылась в улыбке: — Я же не посторонний мужик, какие тут церемонии? К тому же я — спасительница твоей сестрицы, неужто мне нельзя зайти на нее взглянуть? Если бы не я, нашедшая твою сестрицу в речной косе за городом и притащившая ее на себе...

— Е Саньнян, — оборвала ее матушка Лю. — Мы уже отблагодарили вас щедрым вознаграждением за помощь нашей хозяйке и за то, что разогнали негодяев ради нашего работника. Если сегодня у вас какая-то иная цель, так и скажите напрямик.

<http://bllate.org/book/21831/2261314>